

Сказание о почившем в Бозе старце Данииле, жившем и подвизавшемся в сибирской стране близ города Ачинска.

(из книги инока Парфения «Странствие и путешествие по Турции, Молдавии, России. Часть 3»)

В первые годы проживания моего в Томске познакомились со мною два юноши из купцов, оба Григории, возгоревшие любовью ко Господу. Два года ежедневно приходили они ко мне в келью; потом, воспламенившись до конца любовью к Господу Богу, не захотели более жить в Томске в своих домах, а взявши от общества увольнение, пошли в Россию. Пришедши в Киево-Печерскую Лавру, там остались на жительство, и стали в подвигах подражать киевским Чудотворцам. Сии два Григория, живши в Томске, много чудного слышали о подвигах и жизни блаженного старца Даниила, и ходивши в Иркутск на поклонение Святителю Иннокентию, сами были в Ачинске и Зерцалах, где препровождал жизнь старец Даниил, и были в его келье, подобной гробу или могиле. В 1852 году из Киева они писали мне несколько писем и усиленно просили, чтобы, пока живы современники и самовидцы старца Даниила, собрал я сведения о его жизни и прислал им. Но я ово отказывался, ово молчал: потому что боялся приняться за это дело без Божия на то извещения. Хотя я сам много слышал великого и удивительного о старце Данииле, но отлагал до времени писать о нем что-либо. Но получая беспрестанные и усиленные просьбы и даже понуждения, как от обоих Григориев, так и от других многих людей собрать сведения о жизни старца Даниила, все это я принял за Божее извещение, и в 1853 году начал спрашивать о нем письмами тех, которые его лично знали и были ему близки; а в 1854 году что мог, собрал и написал.

Сказание мое здесь предлагаю.

Сказание о почившем в Бозе старце Данииле, жившем и подвизавшемся в сибирской стране близ города Ачинска.

Возлюбленные мои в Христе братья и духовные чада, два Григория! Желая вам в Христе радоваться, и тещи безостановочно начатый вами путь, во след своего Спасителя. Еще вы здесь, в Томске, зажгли свои сердца искрою сладчайшей любви своего Создателя, Господа Бога, и Его Единородного и Единосущного Сына, Иисуса Христа; уязвившись Его любовью и скрывши сию драгоценную искру внутри себя, потекли во след Его, и ради сего оставили свои дома, и родителей и сродников, и имение, и даже свою страну. Хорошо вы познали, что посреди мира и его соблазнов неудобно эту драгоценную искру любви Божией сохранить непогашену: ибо мир и его прелести, дьявол и плоть, не только могут эту искру потушить, но даже и память о ней истребить. Невозможно работать совокупно миру и Богу. И вы хорошо уразумели словеса своего Спасителя: аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возьмет крест свой, и по Мне грядет (Матф. 16, 24). Наконец, достигли вы тихого пристанища; и вот уже четвертый год находитесь во святой обители, во Свято-Киевской Печерской Лавре, между толикого сонма святых отцов, которых святыми нетленными мощами наполнены все ваши храмы и пещеры, и которых вы учинились и сподобились быть искренними чадами и законными наследниками их добродетелей и имения. Они сеяли и трудились, а вам досталось плоды собирать: теперь имеете – кому подражать и с кого брать пример жизни!

Но вы тем не удовольствовались, а еще хотите получить как некое духовное наследство со своей сибирской страны. Вы меня просите убедительно, дабы я собрал

сведения о жизни великого старца Даниила Ачинского, и прислал оное к вам, дабы вы могли отчасти подражать его житию и подвигам. Конечно, это ваше желание – самое богоугодное и спасительное, только для меня весьма тяжкое, потому что я прибыл в сибирскую страну уже после кончины старца Даниила, спустя четыре года с половиной; потому, я сам его лично не видал, и благодатных его словес и наставлений не слышал. Благодарю Господа Бога, что еще застал в живых весьма много людей, которые его лично знали, и слышали из уст его душеспасительные слова и беседы, и наставления! От них нечто мог я узнать, но совершенного удовлетворения получить не мог, хотя и письма к некоторым писал. Все отвечали очень скудно, потому что мир и его суеты все заглушили и почти совсем истребили.

Хорошо быть очевидцем подвигов знаменитых мужей и поборников благочестия, и, взирая на них своими очами, извлекать для души пользу. Все достохвальное, когда видишь его собственными очами, является привлекательным, становится вожденным, и возбуждает в зрителе желание приобрести оное. Но немало приносят пользы и повествования о таких подвигах, передаваемые очевидцами в слух тех, которые сами их не видели. Зрение, говорят, достовернее слуха; однако же, и слух заслуживает доверие, если он различает речи, судя по достоверности лиц говорящих.

Вот, и я приступаю к сему жизнеописанию со страхом и трепетом: потому что буду говорить только чужие слова и рассказы, и боюсь, чтобы в чем не погрешить; притом первый я приступаю к описанию жизни такого великого старца, который прославил Господа Бога в жизни своей делами своими.

И вот, по любви моей к вам, мои возлюбленные братья, исполняю вашу просьбу, слушая слово Ангела Господня, к Товии Старшему и юнейшему реченное: тайну цареву добро хранить, дела же Божии открывать славно (Тов. 12, 7).

А наипаче добро и потребно, и нужно есть проповедать пути Божии и Его истинных рабов в нынешние времена, когда по всей земле умножилось нечестие и беззаконие, и враг диавол разверз свои челюсти на Святую, Соборную, Восточную, Апостольскую Христову Церковь. Он же проклятый со всеми своими полчищами и слугами, магометанами и еретиками, поднял брань и войну на Христа и на Его Святую Церковь, и на всех православных христиан чувственно и духовно, чувственно – войною, а духовно – страстями, разлитием роскоши и разными грехами и беззакониями, ересями и расколами.

В такие прискорбные времена наипаче нам нужно особенное Божие покровительство, и нужны нам верные и возлюбленные Богом Его рабы и подвижники, а о нас теплые молитвенники к Господу Богу о Церкви и о Православном Благочестивейшем Императоре, о воинстве его и о всех православных христианах.

Призвав Бога в помощь, с упованием на молитвы в Бозе почившего великого старца Даниила, приступаю к описанию его жизни, которая вам отчасти уже известна: ибо вы сами были в городе Ачинске и в деревне Зерцалах, и видели сами тех людей, которые его лично знали, и были вы сами в его келье, подобной гробу. Хотя все вы это хорошо своими очами видели, однако хорошо для вас кое-что и повторить.

Игуменя Евгения и города Ачинска священник, Димитрий Евтихийев, и другие многие о юных летах и о жизни старца Даниила пишут мне следующее:

Родом старец Даниил был из малороссиан; но из какой губернии, неизвестно; достоверно только, что из крестьян, его называли Даниил Корнильев, по фамилии Дема. В молодости отдан был на военную службу, и в двенадцатом году был на войне с французами застрельщиком, и был ранен. После французской войны были вызваны охотники учиться грамоте, в числе прочих и Даниил пожелал учиться грамоте. Был уже он фельдфебелем, и имел денег до трехсот рублей, но был очень скуп, так что жалел себе купить калач; ходил с часами (это он сам про себя рассказывал). Потом, когда Бог открыл ему грамоту, он познакомился с одним диаконом доброй жизни, который дал ему довольное понятие о святом Писании; и начал читать священные книги и жития святых Отцов. Это ему очень понравилось, и он вознамерился во всем последовать жизни их. С тех пор возымел он большую ревность и любовь к Богу, и рассмотрев суету и непостоянство мира сего и краткость жизни человеческой, стал непрестанно иметь в мысли вечную будущность и вечное праведных наслаждение, а грешным вечное наказание. Когда он прослужил земному Царю семнадцать лет, вышел ему за верную службу чин благородного. Но он не захотел принять чина, и отказался от службы. И восхотел он препроводить остальную жизнь свою или в монастыре, в иноческом чине, или единому в пустыне, дабы беспрепятственно послужить и поработать Господу Богу всем сердцем и всей душой, и всем помышлением. Посему решился он сказать полковому командиру, что уже не желает больше служить и принять чина, а вознамерился остальные дни своей жизни посвятить на служение Богу. Командир, знавший его хорошее поведение, равно и прочие начальники уговаривали его, чтобы он служил по данной им присяге Царю и отечеству, а потом уже – единому Богу; а иначе, говорили они, ты должен получить наказание. Но он решительно им объявил, что он не хочет более служить. Достоверно не известно, сие ли только поставлено ему в вину, как противление власти, или к сему присоединилась какая на него клевета; только взяли его под строгий арест. Но это для него было великое утешение: он день и ночь хвалил Бога. К большому его удовольствию, дозволено было давать ему книги Священного Писания. Долгое время находился он под судом; потом ему сказали, что его должно расстрелять. Он на сие отвечал: «Буди воля Господня». Через несколько дней сказали, что надобно наказать его проведением сквозь две тысячи строя. На сие он отвечал: «Мало мне этого». Потом, по милостивому решению, без наказания послали его в Сибирь, в нерчинские заводы, на работу. Шел он вместе с преступниками, в кандалах, которые несколько раз хотели с него снимать, но он сам никак не позволял их снимать, и называл их карманными часами. Но тобольская экспедиция определила его в томскую губернию, в боготольский винокуренный завод, на вечную работу. В сем заводе находился он несколько лет, под велением первого пристава, Егоре Петровича Афанасьева, от которого претерпел много гонения и даже мучения. Он называл его святошею, и употреблял его в самые тяжкие работы. Но он все работы, возлагаемые на него, исправлял без опущения, и всю ночь стоял на молитве; пищи вкушал очень мало, и то только хлеб и воду. Среди дня, когда прочие отдыхали, он удалялся на молитву в уединенное место, где бы его не было видно. От того наипаче начальник Афанасьев на него сердился, и насмехался, говоря ему: «Ну-ка, святоша, спасайся в каторге!» Однажды, в зимнее время, обнаженного его посадил на крышу дома своего, велел из машин поливать его водою, и с насмешкой кричал ему: «Спасайся, Даниил, ты святой!» Он ему ничего не отвечал, а молился только о нем же Богу, чтобы не поставил сего ему в грех; а это наказание он считал для себя еще малым. Потом Богу было угодно наказать того смотрителя завода, Афанасьева. Вдруг повернуло ему голову на сторону, так что лицо его было уже сзади. Жена его начала укорять его за неповинного старца. Тогда приказал он позвать к себе старца, просил у него прощения и говорил ему: «Прости,

прости меня ради Христа, добрый старец! За тебя меня Бог наказывает». Он же ему сказал: «Бог тебя простит; ибо я этого наказания достоин, потому что я клятвопреступник». Вероятно, под сим разумел он то, что упорно отказался от службы, против воли начальства. После сего Афанасьев сделался совершенно здоров, и начал уважать старца Даниила. На другой же день поехал Афанасьев в город Ачинск: ночью заблудились путники, сбились с дороги, ибо поднялся страшный буран. Кучер говорит ему: «Это за то нас Господь наказывает, что ты вчера очень оскорбил старца Даниила. Надобно тебе просить еще заочно прощения, а не то мы здесь замерзнем». Афанасьев расплакался и сказал: «Прости, прости старче Данииле, и избавь нас от этой беды и смерти! Более тебя держать не буду и отпущу на волю». И что же? Тут же очутились они близ дороги. Возвратившись на завод, он немедленно написал донесение к губернатору, что такой-то Даниил не способен к работе, и отпустил его на волю, на пропитание. Старец переселился в город Ачинск и построил себе келью самую маленькую. Потом перешел он в дом купца Алексея Хворостова, и у него также построил келью, и жил в ней несколько лет. В эту келью двоим поместиться было нельзя. Трудно было занятие его: трудился он, по ночам копая в огородах, чтобы никто его не видал; также и поле косил и жал хлеб до совершенного изнеможения; потом немного отдыхал и вкушал пищи. Пища его была ржаной хлеб или картофель, который он никогда не чистил. Перед вкушением пищи он под пояс забивал деревянный клин, чтобы меньше съесть. В последние годы он жил в деревне Зерцалы у крестьянина. Здесь уже келья у него была совершенный гроб, в которой он пребывал нагой, а платье свое оставлял в сенях, ибо в ней только мог поместиться на коленях, для молитвы ко Господу Богу. Окно у него было с медный гривенник. Сия келья и доныне стоит цела, и вы сами ее видели. Из нее он по целой седмице не выходил; светильника и лампы никогда не зажигал, но беспрестанно находился в молитве; иногда занимался и рукоделием: в сенях шил простую одежду, но платы за то не брал, разве хлеба для пищи. Милостыни отнюдь не принимал и не давал, потому что нечего было подавать; жил в совершенном нестяжании, подобно птице; работал безмездно, к бедным ходил жать и косить, наипаче в ночное время, чтобы мало его видели. Всегда он говаривал: «Лучше давать, нежели принимать; а ежели нечего подать, то Бог и не потребует; нищета Бога ради лучше милостыни; а милость может оказать и неимущий: помоги бедному поработать, утешь его словом, помолись о нем Богу, - вот чрез сие и можно любовь оказать ближнему». Носил он более двадцати лет тяжкие железные вериги и берестовый пояс, который уже и врос в тело его, с которым и похоронили его. Еще носил он на теле железный обруч. Но незадолго до смерти вериги с себя снял. Спрашивал его один духовный его сын: «Отче, для чего ты снял вериги?» Он ему ответил: «Любезный мой брат, потому я снял с себя вериги, что они уже не стали мне приносить пользы: тело мое так к ним привыкло, что отнюдь не чувствует ни тяжести, ни боли. Посему и не стали они приносить никакой пользы душе моей. Ибо только тогда бывает полезна вещь, или подвиг, или добродетель, для души, когда они наносят скорбь и обуздание телу. А люди видят на мне вериги да и думают, что я, нося оные, через это приобретаю себе великую пользу, тогда как они уже совсем мне бесполезны. Пусть лучше говорят, что Даниил ныне уже разленился и вериги с себя скинул: это будет для меня полезнее; а ты не соблазняйся обо мне».

Молитва у него текла из сердца, как река эдемская; ум его всегда находился в делании сем; посему часто молитва у него прерывала его разговор; и он приходил умом в восхищение. Все разговоры его были душеполезные и спасительные: или о Боге и о

Спасителе мира, о Его учении и о страданиях, или о блаженстве праведных и о наказании грешных. Все разговоры и слова его были растворены слезами и любовью, так что без слез почти не мог ничего говорить. Тело его было как восковое, лицо приятное и веселое, с малым румянцем; часто он постился по целой седмице и более; исповедывался и причащался Святых Таин Тела и Крови Христовой весьма часто.

Когда он удалился с завода, уже и тогда потекла о нем слава, так что народ начал приходить к нему. Ибо еще в заводе он всех удивил своей жизнью. Посему и обращались к нему, одни – чтобы принять на какое-либо дело благословение, другие – испросить душеполезный совет, а иные приходили только посмотреть на него, и то за великое почитали. Ибо он такую имел благодать, что кто только его увидит, весь изменяется, хотя бы и закоснелый был грешник: вдруг зарыдает, и признает свои грехи, и просит наставления.

Этого брата Даниила (так он себя велел называть при жизни своей, и говорил: Не называйте меня отцом, а называйте братом, ибо все мы в Христе братья, а один есть наш общий Отец Господь Бог, в Троице славимый); посему называли его современники братом Даниилом) – этого, говорю, брата Даниила знавшие его почитали земным ангелом и небесным человеком. Он имел от Бога великие дарования: некоторые поступки его давали повод думать, что он знал дела и помышления других людей, прозревал отчасти и будущее. Говорил он больше в притчах и намеками, чтобы понятно было одному тому, кому говорит, а иногда и прямо, ежели то было полезно. О сем нижеследующее явит слово.

Еще когда он жил в городе Ачинске, то проездом по епархии был у старца в келье Просвещенный Михаил, Архиепископ Иркутский. В то время енисейская губерния принадлежала к епархии иркутской. Владыка беседовал со старцем долгое время о разных духовных предметах. Старец говорил ему о великом его сани и его великой обязанности, о том, как ему должно управлять своею обширною паствою, чтобы ни одна овца не погибла от его нерадения или беспечности; и как он должен всех исправлять, наказывать бесчинников, которые подают соблазн прочим. Так он о сем говорил, что Владыка плакал и даже рыдал. Старец сказал: Владыко святой, прошу тебя, благослови мне, грешному, поцеловать твою святительную десницу и твои ланиты. Владыка с любовью позволил. Потом владыка хотел дать ему денег, сколько ему угодно, для милостыни и на масло для лампы, и на прочие нужды. Хотя Архипастырь и убедительно его просил принять от него сколько-нибудь, но старец совершенно отказался и сказал: «Владыко святой, на что мне деньги? Я их отнюдь не требую; пропитание имею от своих рук. А милостыню давать для чего мне из чужих денег? Ты сам раздай, кому знаешь, и кто в них имеет нужду. Равно и лампадку для чего мне иметь, когда в душе моей тьма? А когда бывает в душе моей свет, тогда кольми паче мне не нужна лампадка; ибо и без того светло и радостно». Владыка начал его просить, чтобы он его проводил до перевоза через реку. Старец с радостью согласился. Когда взошли на паром и стали прощаться, Владыка взял в руки просфору и дал старцу. Он же, не принимая оную из рук Владыки, отломил ее верхнюю часть и сказал: «Владыко святой, мы ее с тобою разделим пополам: верхнюю часть мне, а нижнюю тебе». Владыка удивился прозорливости старца, поклонился ему почти до земли и сказал: «Прости меня, брат Даниил!» А Владыка в нижнюю часть просфоры искусно

положил пятирублевую ассигнацию, дабы старец, не познавши, принял подаяние. Но от него сие не скрылось.

Еще тому подобное написал мне во втором письме города Ачинска священник Димитрий Евтихийев, которого я просил подробнее узнать о старце Данииле. Он, между прочим, повествует следующее:

Два брата купца, проезжая с ирбитской ярмарки, зашли к старцу посетить его и принять благословение. Старец очень любил братьев. Это случилось на святой неделе, и надо было похристосоваться по обряду христианскому: а они вместо красных яиц взяли с собой по яблоку, которые везены были ими с ярмарки. Старец, вышедши из кельи и увидевши их, сурово взглянул и гневно им сказал: «Мир вам, братья!» Братья, видя старца гневным, не знали, что сказать, и в недоумении молчали. Тогда старец с улыбкою сказал им: «Знаете ли, что наделало это яблоко? (А они не показывали ему яблок). Вкусили яблочка Адам и Ева: и вот теперь все мы мертвецы, враги Господа и рабы греха». Взявши у них яблоки, бросил их так сильно, что не осталось и малейших частиц, все разлетелись. Братья, принявши наставление от старца, поехали домой с радостью.

Он же Евтихийев продолжает:

Многие из жителей города Ачинска сказывали мне, что когда только они собирались посетить старца в его келье, и намеревались в какой-либо определенный день ехать в деревню Зерцалы, где старцева келья (эта деревня от города в семнадцати верстах), - старец сам предупреждал их намерение и рано приезжал в город. Приблизясь к порогу дома, всегда с улыбкой говаривал домохозяевам: «Мир дому сему! Вы хотели ехать ко мне непотребному, а вот я к вам сем пришел. На что вам меня?» Так всегда посещал знатных людей.

Он же Евтихийев продолжает:

В городе Ачинске был некто А.И. Орлов. По свойственному многим равнодушию, он всегда отзывался о старце вольно; но слыша постоянно о его строгой жизни и подвигах, принял решительное намерение призвать старца к себе в дом. На другой день старец сам пришел в город, и идет прямо к нему; взойдя в комнату, громко воскликнул: «Здравствуй, здравствуй, орел!» Орлов как ни был от природы смел, но пришел в страшный испуг и потрясение, и не мог сказать слова. Тогда старец сказал: «То-то, брат, ты высоко летаешь, смотри, не пади, а то убьешься, когда крылышки-то обрежут». Вскоре после этого Орлов был отдан за что-то под суд и отрешен от должности. Впрочем, после этого он питал к старцу особенное глубокое уважение.

Еще продолжает Евтихийев:

Старец был знаком и с Преосвященным Агапитом, первым Епископом Томским, и уважаемым Владыкою. Также и Епископ Агапит искусил старца, как Преосвященный Михаил, Архиепископ Иркутский. Однажды Епископ Агапит, при обозрении епархии, посетил старца. Когда старец провожал Преосвященного через перевоз, Владыка, желая дать ему денег, но зная совершенное его нестяжание, так что он, если давать ему в руки, денег не возьмет, подклеил под дно просфоры пятирублевую ассигнацию, и, благословив старца, подал ему просфору. Старец же не взял ее в руки, но только верхнюю часть сломил и сказал: «Владыко святой! Верхняя часть - моя, а нижняя - твоя», и денег не взял. До-зде иерей Димитрий.

Один брат, известный мне и вам, жил неподалеку от старца Даниила. Дьявол уязвил брата завистью против старца, потому что старца все прославляли и уважали, и почитали как великого подвижника, а его нет. Посему вознамерился он старца умертвить. В одно время, взявши нож, пошел он к келье. Старец сам встречает его в сенях и говорит: «Любезный брат, за что ты хочешь меня зарезать? Ну, ежели виноват, так режь же!» Брат затрепетал и выронил нож, который был под его одеждою, пал на колени, заплакал и стал просить прощения. Старец простил его и сказал: «Брат любезный, не надобно дьявольскому внушению верить. Чего мне, грешному, завидовать? – Что меня прославляют? Но я этого не ищущу и не желаю; я бы тебе эту временную славу, которая немало вредит душе моей, с любовию отдал, но не моя на то воля, а воля Господня; ибо Он славящих Его прославляет еще в жизни сей временной. Живи и ты так, как я живу; да и проси Господа, чтобы тебя не прославлял в этой жизни, а только проси Его о прощении грехов своих: и тебя Господь прославит. Но ежели будешь желать здешней славы, то хотя бы жил и по-ангельски, ничего не получишь, ни в здешнем веке, ни в будущем».

Одна томская старица, из благородных, Анисья Ивановна, рассказывала о себе следующее:

Долгое время имела я желание посетить старца Даниила, ибо беспрестанно слышала о его благочестивой жизни. Потом Бог и привел посетить его келью. Случилось нам прийти к старцу с каким-то незнакомым человеком из купцов. Пришедши в сени его, сотворили мы молитву. Старец вылез из своей кельи, или, лучше сказать, из гроба, потому что келья его – совершенный гроб. Увидавши его, я исполнилась ужаса, и слезы полились из глаз моих: я думала, что увидела Ангела. Он же, ничего не говоря, подошел к человеку, взял его правую руку и, сложив три первые перста, сказал: «Так молись, так подобает творить на себе крестное знамение; так Мать наша Святая Восточная Христова Церковь учит детей своих молиться; так предали святые Апостолы и святые Отцы; так и ты молись, и спасешься». Человек ничего не мог ответить ему; только поклонился ему до земли. Потом старец обратился ко мне, начал своей рукою водить около носа своего и сказал: «На что же так делать? Это грешно, это самая та сеть, в которую птичка попадает одним ноготком, да и вся пропадает; я и сам в молодости в эту сеть попался было, но, однако, Божиею помощью скоро вырвался. Да, ты плохо видишь - так табак тебе даст зрение? Нет, с него и вовсе ослепнешь. Бог дает зрение, и посылает за грехи слепоту». А я, грешная, с молодости понюхивала иногда для глаз, когда они заболели. С тех пор полно нюхать; а глаза перестали болеть, хоть и старее стала.

Тогда я еще жила с мужем своим, иногда посты мы не соблюдали, как должно, и хотя не ели скоромного, но по постам ели рыбу. Вот он, мой батюшка, и начал говорить о посте следующее: «Какая тех людей ожидает радость и вечное веселие, которые сохраняют святые посты в среды и пятки, по узаконению церковному! И какое ожидает вечное мучение тех, которые их нарушают!» Потом вздохнул и заплакал, и сказал: «О горе мне, паче всех грешнейшему! О какую те люди делают невозвратную потерю, которые против церковных правил разрешают святые посты в среды и пятки! Каких они достойны слез, что за малое наслаждение лишаются вечного блаженства! Да, некоторые говорят, что-де едим мы не скоромное, а только рыбу; а того не знают, что мы сделались изгнанниками из рая, и учинились смертными, и находимся под грехом не за мясо и не за рыбу, а только за одно яблоко; - а какие бы в яблоке скором и грех! – Но было заповедано не есть его; вот в том самом и есть грех, что преслушали заповедь Божию. Так и теперь: хотя бы была рыба, хотя бы масло, хотя бы и что иное, - в какие дни чего не позволено Церковию есть, того и не подобает. А кто преслушает заповеди святые Церкви, тот и грешит, и за это подлежит наказанию».

Вот я, грешная, что удостоилась слышать от такого великого старца, которого все слова как бы запечатывались на моем сердце!

Еще сказывали мне многие следующее:

Старец, когда еще жил в Ачинске, ходил в Иркутск на поклонение новоявленному Чудотворцу и Святителю Иннокентию, первому Епископу иркутскому. Был там он в женском монастыре у игуменьи, которая приглашала его остаться навсегда у них в монастыре, и обещалась его успокоить до смерти, и похоронить его. Он же сказал ей: «Нет, я не ваш житель, а мне надобно умереть в енисейском женском монастыре, у игуменьи Евгении». Эта игуменья Евгения, у которой он помер, в то время еще была барыней и жила со своим мужем.

Еще старица Мария Иконникова, томская мешанка, сама про себя мне рассказывала следующее:

Вот я, великая грешница, много по свету постранствовала, но без всякой душевной пользы. Раз пять была я в Киеве; ходила и в другие российские монастыри и к святым Мощам; была в Сарове у батюшки Серафима; и в Иркутске у Святителя Иннокентия. Много слышала я доброго про старца Даниила, и вот, по пути из Иркутска, бывши в городе Ачинске, зашла повидать и старца Даниила, и принять у него благословение на будущее странствие. Он же, мой батюшка, встретил меня еще на пути, не допустя до кельи своей, почти полунагой. Он, мой батюшка, взглянул на меня с самым гневным и сердитым видом, и громким голосом упрекнул меня: «Что ты, пустая странница, пришла ко мне? Я давно тебя ожидал; вот будешь меня помнить!» А сам палкой грозил на меня. Я вся от страха затрепетала, чуть не упала на землю; язык оцепенел, и не могу ни бежать, ни слова сказать, ибо знаю свою вину. Он же начал говорить следующее: «Зачем ты бродишь

по свету, да обманываешь Бога и людей? Тебе дают деньги в Киев на свечи и на молебны; а ты их тратишь на свои прихоти. Много станций ехала на подводах, нанимала, тратя данные Богу деньги. А в таком-то месте пила вино, и столько-то его купила; а в таком-то месте пустое празднословила». И так он, мой батюшка, рассказал мне то, что я уже и сама позабыла; как будто со мной ходил он и записывал дела мои. А я стою ни жива ни мертва, он же еще сказал: «Теперь уже полно тебе ходить по свету; ступай и живи в Томске; питайся от своего рукоделия, вяжи чулки; а когда устареешь, тогда для пропитания собирай милостыню; да слушай же, больше не ходи в Россию». Потом пошел он в свою келью, а я поклонилась и пошла, не сказавши ему ни слова. Пришедши в Томск, я отложила попечение о странствовании, и начала жить дома и заниматься рукоделием. По прошествии полгода мои сродники и знакомые молодые люди начали собираться в Киев на поклонение, и стали звать меня с собой, чтобы их проводить до Киева, потому что дорога мне знакомая. Я долгое время сначала не соглашалась, потому что старец Даниил мне ходить благословения не дал. Но наконец, по усиленной просьбе, согласилась, и отправились мы в путь. Прошедши три тысячи с половиной верст, пришли мы в Саровскую пустынь, сначала на гостиницу, а потом к батюшке Серафиму, принять на путь благословение. Он же моих сопутников принял ласково и всех благословил, и дал сухариков на дорогу; а меня грешную не благословил, и даже прогнал, ни слова со мной не сказав. Вот прожили мы с неделю; ежедневно мои сопутники к нему ходили, и он наставлял их душеспасительными словами; а меня и на глаза не принимал, сколько я к нему не приходила. Наконец мои сопутники начали собираться в путь, и только дело за мной. Посему я решила его беспокоить, и, пришедши к его келье, закричала со слезами: «Батюшка Серафим, благослови меня в путь, товарищи мои хотят идти!» Вышедши из кельи, он сурово на меня взглянул и громко сказал: «Нет! Нет тебе благословения! Зачем ты пошла в Россию? Ведь тебе брат Даниил не велел больше ходить в Россию! Теперь же ступай назад домой!» Я ему сказала: «Батюшка, благослови меня еще сходить в последний раз; больше уже ходить не буду». Он же громко отвечал: «Я тебе сказал – ступай назад, а вперед идти нет тебе благословения!» Я ему еще сказала: «Батюшка, как же пойду назад одна такой далекий путь, а денег у меня ни копейки?» Он же ответил: «Ступай, ступай обратно; и без денег доведут на лошадях до самого Томска». После сего благословил меня и дал мне один сухарик; а сам затворил дверь. Я пришла на гостиницу да поплакала, и простилась с сопутниками: они пошли в Киев, а я в Нижний Новгород. Там нашлись мне попутчики, наши томские купцы, и довели меня до самого Томска. Вот и исполнилось слово батюшки Серафима! Так далеко видят и слышат один другого рабы Божии – за четыре тысячи верст! А я, по слову старца Даниила, собираю милостыню. Но тогда, когда он говорил это, я того не предвидела, потому что имела детей богатых; а теперь давно уже всех похоронила.

Монахиня Сусанна, казначея иркутского Знаменского женского монастыря, о старце Данииле пишет мне следующее:

Всечестнейший отец Парфений! О жизни и подвигах великого старца Даниила не могу я передать вам подробного сведения, но только скажу нечто. Была я, грешная, в его келье, и видела, что она была подобно гробу, выкопана в земле, ширины – вершков двенадцать, высота и длина оной – в его рост, и окошечко на восток самое маленькое. А как он в ней подвизался, - этого уже не знаю. Вид его был и казался мне ангелоподобным;

беседа его казалась для меня, недостойной, столько усладительною, что я забывала и сама себя, хотя и сама, великая грешница, много читывала божественных книг. Он говорил, как мне казалось, не читанное, а виденное, при озарении благодатью, все самим им, или чувственно, или духовно. И тогда я так думала, и донныне так помышляю – ибо невозможно так коротко и выразительно сказать и изъяснить красоты небесные, как он бывало начнет рассказывать о праведниках, кому за какие подвиги какие уготованы венцы и награды и что ожидает грешников. Спрашивала я его о посте. Он всегда говорил: «Я, грешник, беспрестанно ем и пью, и не знаю, что тебе сказать; знаю только, что по захождении солнца хлеб да вода – добрая еда; а кто как хочет. Надобно иметь более всего смирение и страх Божий». Я его еще спросила: «Сколько должно молиться Богу и когда?» И этого также он не назначил, а говорил: «Всегда, беспрестанно имей Господа пред очами своими, и Он научит тебя на все благое». Потом я об иркутском монастыре спросила. Он же мне ответил: «Был я там. Там очень простенько для спасения души. Можно и там спастись». Когда же я отправлялась совсем в Иркутск, он очень был рад и весел. Я спросила его: «Где же, батюшка, благословите остаться? В Иркутске или в общежительный монастырь возвратиться?» Он сказал: «Я не знаю. Бог знает». Я еще просила, чтобы он назначил для жительства мне обитель. На это он мне сказал: «Я человек, а не Бог; я тебе назначу, а тебе что-нибудь будет невыносимо, и ты скажешь: я бы здесь не осталась, да вот он мне велел; и тяжело тебе будет. А кому где сам Бог определит жить, там и всякие скорби бывают легки». Я опять просила его благословения. Он сказал: «Ты сама узнаешь; сердце твое тебе скажет, и ты почувствуешь сие в ту же минуту, и там останься с благодарением Господу». Вот я и шла всю дорогу от Ачинска до Иркутска размышляя: как же может то случиться, что мне сказал старец? В скольких я была монастырях в России, но мне не падало на сердце, где лучше остаться, а все казались хороши. Но в Иркутск влекло меня обещание поклониться святым Мощам великого Чудотворца, Святителя Иннокентия, данное при моем исцелении. Наконец, достигла я Иркутска; немного остановившись в Вознесенском монастыре и исполнивши свое обещание, пошла я в город. На пути виден был девичий монастырь: ограда низкая, и кельи также едва видны из-за ограды; а в ограде мне казалось, что рай насажден. И я не ушла так из города в Вознесенский монастырь; но зашла в девичий монастырь. Подхожу к святым воротам: вдруг такое встретило меня благоухание, что я даже остановилась; и будто сзади кто следы ног моих обрезал, чтобы не возвращаться мне, а остаться тут. Какое-то сделалось радостное в сердце ощущение, как точно будто бы оно сказало: остаться здесь. Я тут же вспомнила слова отца Даниила, как будто сам при мне он был. Когда же я вошла в церковь, - вил Распятия так меня поразил, что я долго не могла сойти с места, где стояла. Старец еще говорил мне: «Ну, Мария, много у тебя будет, по-видимому, друзей в монастыре, будут тебя и уважать в глаза, а в ребрышки будут стрелы пущать, клевета и зависть будут тебя преследовать всюду; а уличить тебя будет нечем: Господь сам будет твоим защитником». Сие также оправдалось: так я живу по настоящее время. Иногда поражают меня скорби сильно, и впадаю в уныние. А иногда почувствую какое-то тайное утешение в душе моей, верую, что Господь меня не забыл; вспомню слова старца Даниила – и подкрепит меня сила Божия.

Еще Анна Семеновна сама про себя мне рассказывала следующее:

Пришедши в Сибирь, на чужую сторону, разлученная со всеми своими родными, и поселившись в городе Ачинске, я плакала три года, отчего и повредила свои глаза, так что плохо стала и видеть; уже на глазах начали появляться и бельма. Слышав многое о старце Данииле, начала я просить одну женщину, чтобы она свела меня к старцу. Она же отзывалась тем, что старец нас не примет; но я усердно просила, чтобы хотя до кельи меня проводила; наконец она согласилась. Подошедши к келье, я исполнилась слез, и, зарыдавши, встречала: «Батюшка Даниил, благослови меня горькую в чужой стране!» А сама стою на коленях. Вот он, мой батюшка, вышел из кельи, и спросил меня: «Что тебе надобно?» Я сказала: «Благослови». Он же положил свои руки на мою голову, и крепко пожал, так что сделалось у меня в голове волнение. Потом посмотрел мне в глаза и дунул прямо в них. У меня вдруг открылся другой свет, так что показалась мне его келья золотою и сияющею; а сердце мое наполнилось такой радости, что как бы я была уже не на земле, а в раю. Шла я домой, не знаю, по земле ли или по воздуху. После того прошло вот уже лет 15-ть, и благодарю Господа: глаза видят, слава Богу, хорошо.

Александр Данилович Данилов, купец Ачинский, сын крестный и духовный старцу Даниилу, из уважения к великому своему старцу носит - по имени его – отчество и фамилию. Он теперь пребывание имеет в городе Енисейске. О старце говорит он следующее:

Когда я проживал в городе Ачинске, и находился еще в жидовстве, - часто слышал я о старце Данииле, что он – великий раб Божий. А я уже в то время начал иметь сомнение относительно еврейского закона, и уже отчасти исследовал свои заблуждения. Наконец, мне захотелось старца видеть и с ним поговорить. Когда я вошел в келью его и начал с ним разговор, то почувствовал в сердце моем какую-то сладость и радость, и познал его быти истинного раба Божия, и полюбила его душа моя. Равно и он меня полюбил; и стал я к нему приходить и просить его святых молитв. И вот за его святые молитвы Господь Бог открыл мне истинный путь, и я истинно познал, что Иисус Христос есть истинный Мессия, Искупитель мира, предсказанный всеми Пророками; что он есть Сын Божий, прежде еще век непостижимо от Отца рожденный, а потом, ради нашего спасения, от чистой и святой Девы Марии воплотившийся, рожденный, пострадавший и погребенный, воскресший и вознесшийся на небеса, и что Он-же паки, во второе Свое пришествие, придет судить живых и мертвых. И сделался я христианином, только еще кроме крещения. За молитвы старца сумел я убедить и жену свою, и детей, и еще мою сестру с мужем, который теперь называется Петр Иванович Розанов, Ачинского собора церковный староста. Потом начали мы готовиться ко крещению. Я пришел к старцу и начал просить его, чтобы он был мне отцом крестным, и принял бы меня от святой купели. Он же никак на это не соглашался. Я много просил его, припадая к ногам его; но он непреклонен был. Наконец я сказал: «Ежели ты не хочешь быть моим отцом крестным и восприемником от святой купели, то я отложу крещение». Он заплакал и сказал: «Победил. Буду, буду твоим отцом крестным». Вскоре за сим, благодатию Господа моего Иисуса Христа, принял я святое Крещение со всем семейством, и сестра моя с мужем. И так для меня драгоценно сделалось имя Даниил, посему и усвоил я себе фамилию Данилов, дабы знали и дети мои, и все потомство мое помнило, почему они прозываются Даниловы: их отец имел наставником и отцом крестным великого старца Даниила.

Но о жизни и о подвигах старца и отца моего я вам ничего не могу передать, потому что я с ним вместе не жил, а находился все в суетах мира сего. Скажу только, что велик был старец и верный раб Божий; ибо все его дела и подвиги, и слова и вся жизнь его являют сие. Две кельи его удивляют всех зрящих на них, одежду он носил – только по названию одежду. Ежели бы бросил ее на улице, то никто бы ее не поднял. Тело его было как бы восковое. Пища его была – хлеб, и то больше гнилой, да еще иногда картофель, и то нечищенный, а питье – вода. Никто его не видел едящего, ибо он больше принимал пищу по вечерам, да и то не каждый день. Нестяжание его было совершенное: он, как ничего не имел, так ничего и не желал, и ничего ни от кого не принимал. Даже я едва его мог убедить принять от меня новый молитвослов; потому что мне хотелось получить в наследство его старый, который я и получил от него, и блюду, как великую святыню, для памяти и благословения. Если бы продавать сию книгу – никто бы не дал десяти копеек; а для меня она – неоцененный дар. Имея такое нестяжание, старец говорил, что и самая малейшая вещь или украшение приносит вред душе, любящей Бога. Сколько я его не убеждал, чтобы он взял от меня хоть малую милостыню, он никогда на это не соглашался. Только в одно время он мне сказал: Брат Александр, я у тебя никогда ничего не хотел взять; а теперь прошу тебя: купи мне масла постного, конопляного или льняного; а для чего? – открою тебе сие, как возлюбленному моему брату». Потом показал мне свое колено и сказал: «Вот в этом колене завелись черви; да черви-то бы ничего, пусть едят мое грешное тело, оно того и стоит; но то беда, что нельзя стоять на молитве». А я, как взглянул на его колено, очень испугался: ибо на нем, от молитвенного стояния, выросли струпы бугром, а под ними завелись черви. Тот же час просьбу я исполнил с любовью, и после он меня благодарил.

Молитва у него, должно быть, была беспрестанная и духовная, потому что он любил весьма молчание, так что нужное говорил кратко и мало, и то больше притчами; а разговоров мирских, политических и исторических, даже отнюдь и не терпел. Когда я куда отправлялся в дальний путь, - ходил брать у него благословение. Однажды он мне сказал: «Брат мой, прошу тебя, не беспокой меня своим посещением. Ибо когда ты у меня бываешь, то я после о тебе сожалею, и от того претерпеваю немалый вред для души моей, потому что ум оставляет свое дело». И я с тех пор стал опасаться старца беспокоить.

Вот что я мог упомянуть из жизни старца Даниила; а более ничего не могу вам сказать.

Петр Борисович Шумилов, томский мещанин, о старце Данииле рассказывал мне следующее:

Когда я по обещанию моему странствовал в России по святым местам, то на обратном пути из Киева, в 1843 году, проходя свою сибирскую страну, желал было видеть старца Даниила, но не сподобился. На пути, около реки Иртыш, встретился со мною знакомый брат, молодой юноша, крестьянин села Красной Речки; село сие от деревни Зерцал, где келья старца Даниила, только в шести верстах. Брат этот, именем Дорофей, ученик старца Даниила, весьма кроткий, и смиренный, и послушливый, меня весьма удивил тем, что он, идя в дальнюю страну, не имел при себе ни сумы, ни посоха, ни денег. Я его спросил, почему он так очень легко идет? Он же мне ответил: так было угодно

моему старцу, отцу Даниилу; ибо он меня благословил в этот путь, конечно, по моему желанию, и сказал мне: иди, брат, во след Христа по-апостольски, по тесному пути, и не бери на путь ни сумы, ни жезла, ни денег: и Господь тебя не оставит и пропитает; а с половины дороги пойдешь вместе с Архиереем, и будешь монахом. Вот поэтому я и иду так, с одною надеждою на Бога и на молитвы старца Даниила. Но старец уже уехал в Енисейск». Что же? Когда этот брат Дорофей, уже прошедши Екатеринбург, был около Кунгура – вдруг приближается к нему Преосвященный Евлампий, бывший Пермский Викарий, Епископ Екатеринбургский, проезжавший тогда на назначенную ему Орловскую епархию. Увидав странника, он остановился и спросил его: откуда и куда идет? Узнав, что путник из Сибири идет в Киев, Владыка посадил его с собой, привез в Орел, и оставил его пожить при себе, как истинного раба Божия. Он прожил при Владыке около двух лет; потом Владыка отпустил его в Киев на поклонение. А после Дорофей пожелал остаться в общежительной Белобережской пустыни, в которой и доднесь пребывает, и уже пострижен в монашество и наречен в пострижении Д. – А Преосвященный Евлампий после был Епископом Вологодским, а теперь уже Архиепископом Тобольским.

Еще рассказывал Шумилов:

Один духовный брат, ходивший беседовать к старцу Даниилу, говорил мне сие: «В один из дней, бывши у старца, побеседовавши и простившись, вышел я из кельи обратно; только вот вздумалось мне посмотреть к старцу в окошечко, и полюбопытствовать – чем старец занимается один в келье, и послушать. Вот и подполз я к окну на коленях тихонько; и вдруг из окна вышло пламя, так что едва меня не опалило. Я испугавшись, вскричал: «Батюшка Даниил, прости меня, грешного!» Старец из кельи ответил: «Бог простит, брате; но впредь так не делай, и сего не испытывай».

Еще Александр Данилов сказывал мне следующее:

Когда я переехал на жительство в Енисейск, вытребована была в игуменьи в Енисейский женский монастырь из Иркутска монахиня Евгения, послушница и дочь духовная старца Даниила. Потом, как мать игуменья, такожде равно и я, начали старца звать в Енисейск в женский монастырь на жительство. Он долгое время никак на это не соглашался и говорил: «Надобно хорошенько посоветоваться с кельей своей, а она меня не отпускает». Наконец, в 1843 году, согласился ехать в Енисейск; и так как мне случилось быть у него в январе месяце, то он пожелал вместе со мной ехать. Но в день выезда из города Ачинска он постоянно отказывался ехать в Енисейск и говорил: «Меня не отпускает моя келья, надобно еще ее спросить». Но по усиленной просьбе согласился ехать того дня. Отъехали ли мы верст пять от города, не знаю, быть может, гораздо менее: как поднялась страшная буря, и от поднявшегося снега не видно было и дороги. Сколько не усиливался бедный извозчик ехать далее, увеличившаяся буря заставила нас воротиться в город. А старец, вошедши в дом, сказал: «Вот, мы воротились, поедем завтра!» И действительно, в ту же ночь на станции убили человека. Тогда-то мы узнали истинность слов старца: «Видишь на море волны, не пускайся в море».

Еще священник Дмитрий Евтихийев пишет следующее:

В 1843 году, в январе месяце, старец оставил нас и уехал из Ачинска в Енисейск. Енисейского монастыря игуменя Евгения в свое время, по наставлению старца Даниила, оставила жизнь мирскую и поступила на подвиг монашеской жизни. Он обещался пожить при ней, и, как она сама удостоверяет, все слова его к ней исполнились верно. В енисейском монастыре и жизнь свою окончил старец. За три дня до смерти он пришел к игуменье, собрал всех сестер, дал им наставление, и сказал: «Я от вас уеду скоро, скоро!» Сестры же опечалились и думали, что ему у них не понравилось, и хочет он опять в Ачинск. Потом велел он позвать священника, отца Василия Кассианова: у него исповедался и причастился Святых Таин Тела и Крови Христовой. После Причащения встал на колени и, помолившись Господу Богу, на руках игуменьи скончался, 15 апреля 1843 года.

Наконец, свидетельствует о старце Данииле сама настоятельница енисейского Христорождественского девичьего монастыря, игуменя Евгения, своеручным письмом, следующее:

Достопочтеннейший старец, отец Парфений! Хотя я сама вас лично и не знаю, но вынуждена вам ответить на второе ваше письмо о богоугодном старце Данииле. Видно, так Богом определено вам испытать и узнать о жизни странника. Я вам не могу писать о его жизни подробно; а что только знаю, то напишу.

«Во-первых, как он предугадал в молодости моей жизнь мою, так по словам его и сбылось».

Потом писала она о молодых его летах, что я уже и поместил в начале сего жизнеописания.

Далее пишет следующее:

Не могу я точно определить – в котором году он прислан в завод и выпущен на пропитание; но только, должно быть, он пришел в Сибирь между 1821 и 1824 годами. Мы уже с ним познакомились в Ачинске в 1827 года: он стал нас тут посещать. Мы его всегда принимали как почтенного старца, и он показывал себя за блаженного; только мы принимали его слова всяко: иногда повторяли и находили правильными, а иногда пропускали просто. В Ачинске начали мы строить дом; он неоднократно повторял: «Не стройтесь, ибо вам в нем не жить: хозяин умрет, а дом на болоте – он потонет». Потом, ко мне обратившись, сказал: «Ты не знаешь – что тебе уже давно Владычица уготовала черное покрывало: тебя ожидает обитель, ты будешь монахиня и казначея и игуменья; у тебя будет монастырь богатый, а церковь – богаче того, а дом – вдвое того». Но мы все это принимали за басни. Выстроили мы дом; старец, однако же, к нам приходил нередко, и всегда одно повторяет, - меня всегда в монастырь отправляет и говорит: «Скоро, скоро у

Катеринушки крылышки-то отпадут, и Катеринушка упадет». А мы, как завлекла нас мирская суета, - ничего не понимали. Что же? В доме мы прожили только девять месяцев: муж мой, хозяин дома, помер, а имущество наше было описано по делам, начавшимся после его кончины. Вот и дом потонул!

После смерти покойного моего мужа протекло три года все в хлопотах. Потом, как уже решила я свои дела, тогда уже рассмотрела, что мне Богом определено поступить в монастырь. Я спрашиваю старца: «Куда мне благословите идти – в иркутский или в енисейский?» Он мне сказал: «Поезжай в иркутский, будешь и в енисейском». Я на это ему ответила: «Зачем же так? В один который-нибудь». Он же сказал: «И рада бы не шла, да вызовут в енисейский». Вот не правда ли и это?

Когда я еще жила в доме, то я его всегда звала к себе, и в саду хотела ему выстроить келью по его желанию. Он мне говорил: «Ты сама живешь на болоте; а когда будешь жить на твердой земле, тогда я к тебе и приду; ты меня и похоронишь». Так и случилось, ибо через десять лет моей жизни в монастыре, когда я поступила в игуменьи, - приехал ко мне дорогой мой гость с Александром Даниловым; и только что вступил в келью мою, - сказал: «Вот, теперь ты на твердой земле, и я к тебе приехал погостить, ты меня и похоронишь».

Погостил дорогой мой гость только три месяца, и преставился 15 апреля 1843 года, в четверток на Пасхе. Накануне его смерти пошла я к нему похристоваться, и с прискорбием ему признавалась, что хочу свою должность оставить. Он на сие мне сказал: «Не думай этого никогда: тебе эта должность положена до конца твоей жизни, и управление твое будет благополучно и изобильно». Я спросила: «А без меня – как?» На сие он ответил: «Об этом надобно помолчать». И подлинно: так меня Господь благословляет и милует, а высшее начальство жалует!

Подвиги старца Даниила были самые трудные. В таковой жизни он провел более тридцати лет. Пищею его были один хлеб с водою, да и то до сытости он никогда не вкушал. Он имел на себе только одно рубище, которое хранится у меня; многие берут его на излечение от болезней, и бывает по вере их польза.

Накануне своей смерти он с удовольствием осматривался в ограде и говорил мне: «Завтра меня уже не будет; вы не говорите: я уехал; а скажите: был, да нет, Даниил». И подлинно так: с вечера был здоров; в двенадцатом часу ночи заболел; в утреню исповедался; а в раннюю Литургию причастился Святых Таин Тела и Крови Христовой. Мне он сказал: «Приди ко мне в третьем часу». Я, пришедши, послала за священником; и прочитал он отходную. Старец стал на колени, я поддержала его за плечи. Он же сказал мне: «Бог тебя простит, мое золото». С этим словом он скончался. Когда начали его обмывать, усмотрели на теле его берестовый пояс, уже вросший в его тело, и кровь, запекшуюся около пояса; с тем его и положили в гроб. Я с радостью такое сокровище похоронила в ограде. По смерти же его явилась на лице его такая живая улыбка, что совсем он не походил на мертвого.

Вот, достопочтеннейший старец, что я знала, все вам подробно описала; больше ничего не знаю. Я твердо уверена, что он был муж жизни духовной и благочестивой; и мне недостойной Господь определил быть под его руководством.

Скончался он около шестидесяти лет отроду. Вот как страннику Господь сподобил окончить жизнь свою! На похороны его столько стеклось народа, что подивиться надобно. Ибо еще не знали странника в нашем городе; а все собрались в церковь от мала до велика. Когда же несли тело его мимо кельи покойной моей предместницы, а она уже была слепая и ничего не могла видеть; то и она увидела свет, - будто бы блеснула молния. В церкви же, хотя и были зажжены все местные свечи, - был какой-то еще особенный свет; чувствовали многие какой-то приятный запах и говорили: «Вот как Господь возлюбил странника, и прославляет трудника Своего!» И теперь многие приходят, служат по нему панихиды, берут земли с его могилы, и бывает по вере их в болезнях отрада. Впредь Бог весть, что будет, только я уповаю на Господа Бога и на Его великие благодати к нашей обители. Уже мне не дожидаться того, но буди во всем Его святая воля! А я уже и сама почти на пути к своему отечеству.

Так, почтеннейший старец, отец Парфений, я хотела было умолчать: потому что не мне прославлять таких подвижников; но убедило меня ваше второе письмо. Посему, что я знала и видела, все вам описала, не убавила и не прибавила; видно, Господу Богу так угодно, и Он вам так повелел, что чрез десять лет после кончины старца вы меня спросили. Я бы сама никогда не отважилась описать жизнь такого великого подвижника. Всегда и всякое дело отдаю на волю Божию; и теперь не знаю – для чего вы меня спросили и даже вынудили. Буди же во всем Его святая воля! Может быть, Господь и не поставит мне недостойной сего во грех.

Еще вы писали Данилову: но он вам ничего не может описать подробно, разве только припомнить фамилию старца. Но я вам и не советую больше искать и изведывать. Ежели хотите быть его сотрудником и подрать его подвигам, - это – доброе дело: ибо кто на Господа Бога положится, тот не обложится, и тот много не ищет: едино нам на потребу.

Итак, достопочтеннейший старец, спасайся о Господе, и меня убогую инокиню Евгению не оставь в своих молитвах; и я остаюсь сомолитвенница ваша, посильная богомольщица, игуменья Евгения».

10 августа 1853 года.

Енисейский женский монастырь.

Вот, возлюбленные братья, два Григория, только что мог я собрать по вашему прошению о жизни великого старца Даниила, прежде бывшего ачинского, а теперь енисейского. Может быть, я не вполне удовлетворил вашему пламенному желанию, и сообщил не столько, сколько вам хотелось узнать о нем; но что делать? Я и сам знаю, что мало собрал и написал. От современников старца по всей сибирской стране осталось множество преданий, и наполнены о нем разговорами все дома и собрания. Одни рассказывают с удивлением о его подвигах, другие припоминают его слова и наставления; иные удивляются его прозорливству, а некоторые вспоминают со слезами благодеяния, полученные от него. Некоторые в телесных болезнях – помощь, другие от душевных страстей и грехов – освобождение, а иные в тяжких скорбях получили утешение. Есть немного и таковых, подвизающихся в духовной жизни, которым, по многом испытании, преподавал он высокое учение о том – каким образом беспрестанно иметь Бога пред очами своими, то есть непрестанно созерцать Господа Бога умом, и совершать молитву Иисусову внутри сердца. Доныне еще некоторые, около города Ачинска, обретаются в

живых его ученики и его истинные наследники; живут в отшельничестве, в пустынях и на пасаках, хотя и немного их уже осталось.

Много бы можно было собрать о жизни старца Даниила и его словес и наставлений, ежели бы я сам побывал около города Ачинска и в деревне Зерцалах; потому что там было постоянное пребывание старца. Но обстоятельства мои не позволили мне там побывать; и потому не могу больше вам написать о старце Данииле. Хотя и многих я видел его современников; но иные уже позабыли, а другие не могут подлинно передать, а многие уже скончались.

Итак, возлюбленные братья, будьте довольны тем, что я мог собрать и написать, - хотя и немного, да верно; и от этого есть чем воспользоваться, и есть чему подражать, и есть с чего взять пример.

При сем возвращаю себя на благодать Господа моего, Иисуса Христа, и на предстательство Пречистыя Его Матери, Владычицы Пресвятыя Богородицы, Приснодевы Марии, поручая себя святым молтвам в Бозе почившего великого старца Даниила.

Прошу и ваших святых молитв.

Остаюсь и я ваш сомолитвенник, паче всего мира непотребнейший, странствующий инок святой Горы Афонской, общежительной Пантелеимоновой Русской обители, всех последний Парфений грешный.

Июня 28 числа, 1854 года.

Источник: Енисейские епархиальные ведомости №4 1887г